

Пришла середина осени, ворвавшись в горы бодрящим, прохладным ветром.

Едва рассвело, Кунчжи собрал увесистый холщовый мешок и принёс его к обители Юй Уцюэ.

— Здесь самые необходимые снадобья, по большей части работы Истинного человека Юнлэ, — с поклоном произнёс слуга. — Хозяин велел передать их бабушке Гуань Ся. Извольте принять, молодой господин.

Юй Уцюэ, собиравшийся спуститься с горы налегке, с одной лишь дорожной сумой, так и застыл с разинутым ртом при виде огромного мешка. Приятно удивлённый такой щедрой заботой, он торопливо принял ношу и принялся без конца рассыпаться в благодарностях.

— Только вот жалованье за этот месяц вам не положено, — бесстрастно охладил его пыл Кунчжи. — После вычета всех долгов вы по-прежнему должны Парящему дворцу шестьдесят пять золотых яшм. Так что трудитесь усерднее, молодой господин.

— Ну вот, в такой день — и сразу о долгах, — шутливо отмахнулся Юй Уцюэ, закидывая тяжёлый мешок на плечо.

«Раз уж я заложил собственную жизнь и свободу, стоит ли сокрушаться о каких-то жалких крохах?»

— Я ухожу, — повернулся он к слуге. — Ты со мной?

— Сегодня мне велено повсюду сопровождать хозяина, так что воля ваша, молодой господин.

Юй Уцюэ заговорщически придвинулся ближе и понизил голос:

— Неужели Бессмертный так легко меня отпускает? Не боится, что я дам дёру?

Кунчжи напустил на себя суровость и монотонно, без единого проблеска эмоций отчеканил:

— Не позднее полуночи барьер Парящего дворца закроется вновь. Даже если молодой господин передумает возвращаться, теневые марионетки доставят вас сюда силой. Только встречать вас на входе буду не я, а посланники дисциплины и закона, Сицзе и Силуй.

Юй Уцюэ лишился дара речи.

Вдоволь налюбовавшись его вытянувшимся лицом, марионетка не выдержала и прыснула со смеху:

— Парадные одежды Академии артефактов уже выстираны и доставлены. Желаете переодеться, молодой господин?

Юй Уцюэ покосился на своё отражение в начищенном медном зеркале. Даже в простом сером платье слуги он выглядел на редкость статно и щеголевато. К чему эти переодевания?

К тому же, пусть это одежда обычного прислужника, но ведь — Парящего дворца! Если отбросить частности, он теперь принадлежал к свите самого Бессмертного Тайвэя. Грех не похвастаться перед старыми знакомыми, зачем же снимать такую вещь?

— Не нужно, — решил он. — Пусть бабушка посмотрит, каким молодцом я тут устроился. Пора в путь.

Предъявив охранный жетон Хэ Бугуя, Юй Уцюэ без труда поднялся на борт летучего челна-марионетки.

— Кунчжи, передай Бессмертному мои поздравления со средним осенним полнолунием и пожелания семейного тепла... Ах, постой.

«Какое к чёрту семейное тепло, если он там один как перст среди деревянных болванок? Нескладно выходит».

— Передай лучше вот что, — поправился он. — Я приготовил для Бессмертного скромный праздничный подарок и оставил его на кухне. Обязательно отнеси.

— И для тебя там тоже кое-что есть, и для Ся Сы, и для остальных... Да, и ещё —

— Знаю, знаю, молодой господин, — замахал руками Кунчжи, обрывая этот бурный поток красноречия. — Отойдите от края, лететь на такой высоте небезопасно.

Летучий челн рванул с места с бешеной скоростью. Юй Уцюэ всё ещё что-то усердно выкрикивал на ходу, но ветер безжалостно уносил его слова. Кунчжи, прикрыв лицо широким рукавом, тихонько посмеивался — его плечи мелко дрожали.

Отсмеявшись, марионетка почувствовала смутное недоумение. Бездушным куклам чужды человеческие чувства. Они постигали их лишь умом: видели слёзы — и понимали «печаль», слышали смех — и узнавали «радость», ловили вздох — и догадывались о «тревоге». Но этот молодой господин Юй обладал редким, удивительным даром оживлять всё вокруг. С его появлением не только обитатели Сада Летнего Дождя сделались на редкость болтливыми, но и все прочие марионетки, кому довелось общаться с ним слишком близко, словно подхватили неведомую хворь. Их душевное равновесие пошатнулось, а проявления радости или грусти сделались чересчур преувеличенными, живыми. Даже сам хозяин...

Вспомнив о Хэ Бугуе, Кунчжи испуганно оборвал свои крамольные мысли и поспешил обратно в главный зал.

Бессмертный Тайвэй обнаружился там же, где и всегда. Он лениво полулежал в бамбуковом кресле, переставляя камни на шахматной доске в полном одиночестве.

Не поднимая век, Хэ Бугуй тихо спросил:

— Ушёл?

— Да, — поклонился слуга. — Забрал ваши снадобья, прихватил узелок с какими-то безделушками собственного изготовления и отбыл домой, сияя от счастья.

Конечно, возможность вернуться к родным в такой день наполнит радостью любое сердце. К тому же дедушка Хэйтань, вечно скитающийся по свету, непременно вернётся на праздник. Семья наконец воссоединится, а это великое благо.

Странно, но Хэ Бугуюхватило этих нескольких слов, чтобы перед его внутренним взором возникла живая, нелепая картина уходящего юноши, чьё лицо так и светилось глуповатым восторгом. В ушах явственно зазвучал его навязчивый, звенящий голос, нашептывая тонны бессмысленной чепухи.

Очевидно, за этот месяц нечастых встреч и случайных разговоров суетливый Юй Уцюэ сумел изрядно досадить привыкшему к вечному покою Бессмертному Тайвэю.

Хэ Бугуй недовольно нахмурился и издал раздражённый вздох.

Кунчжи истолковал этот жест по-своему и поспешил успокоить хозяина:

— Он ведь только повидаться с родными. К ночи уже вернётся.

«Пусть хоть вовсе не возвращается, я его не держу».

Хэ Бугуй не удостоил его ответом, сосредоточив всё внимание на расчерченной доске. Не имея достойного соперника, он играл сам с собой — левая рука против правой, и ни одна не могла взять верх. Впрочем, это было не худшим способом убить время и скоротать праздничный день.

Так он и просидел с девяти утра до четырёх пополудни, забыв об обеде и лишь ненадолго задремав под ласковыми лучами солнца. Слуги исправно меняли остывший чай в его чашке на свежий, горячий, пока солнце окончательно не покатилося к закату. К вечеру во рту у Бессмертного появился неприятный металлический привкус, а пустой желудок отозвался тупой, ноющей болью. Лишь когда марионетки-повара внесли в зал подносы с едой, Хэ Бугуй

зашевелился, разминая затёкшие члены.

Запах горячей пищи, как всегда, вернул его к земным заботам. Он скользнул взглядом по накрытому столу.

Обычные куклы не умели так готовить. Здесь были целебные отвары для успокоения желудка, лёгкие супы для очищения меридианов, питательные каши для укрепления крови и восстановления сил — целое собрание панацей от всех мыслимых и немыслимых недугов. Каждое блюдо было искусно украшено вырезанными из овощей цветами, а в самом центре красовалась огромная бадья с пышными паровыми булочками-маньтоу, которых хватило бы на добрый десяток голодных ртов.

Не нужно было долго гадать, чьих рук это дело.

Хэ Бугуй промолчал, выразительно изогнув бровь.

— Хозяин, — негромко произнёс Кунчжи, — молодой господин Юй перед уходом особо просил передать, что эти паровые блюда — его скромный дар к празднику.

Марионетки на кухне славились идеальным чувством времени и жара, но фантазией не обладали. Сметливый Юй Уцзюэ рассудил просто: сам нарезал все продукты, смешал приправы, разложил по площадкам и велел куклам поставить всё в пароварку. Просто и без хлопот.

Жаль только, у Хэ Бугуя совсем не было аппетита.

— Оставь пока, — негромко бросил он.

Много лет назад — срок, равный целой человеческой жизни, — именно в этот праздничный день покинул мир старейшина Сюаньцзи. С тех пор каждая годовщина среднего осеннего полнолуния нагоняла на Хэ Бугуя беспросветную тоску.

Пока другие праздновали воссоединение семей, он лишь скорбно подсчитывал потери, понимая, что лишился ещё одной тонкой нити, связывавшей его с миром смертных.

«Отречься от земных привязанностей, чтобы обрести Бессмертие и вознестись... Но что делать тем, кому закрыт путь на небеса? Разве для них узы любви и дружбы не становятся жестоким проклятием, терзающим душу при каждом взгляде на полную луну?»

Должно быть, в этом и крылась воля небес.

Хэ Бугуй не раз с горечью размышлял о своей доле. Тысячи раз он задавался вопросом: какую же страшную вину он искупает в этой жизни? Кому перешёл дорогу в прошлых

перерождениях, раз судьба соткала для него столь причудливое узорочье страданий?

Но роптать на предначертанное было бессмысленно.

У него почти не осталось близких, но те немногие, кто уцелел, платили ему искренней преданностью, и он дорожил этим теплом.

Хэ Бугуй плотнее укутался в шерстяное покрывало и повернулся к слуге:

— Который час?

— Час Петуха, хозяин. Примерно через два часа во Дворце Духовной Оси начнётся праздничный пир.

Кунчжи даже не стал спрашивать, собирается ли его господин почтить торжество своим присутствием. Хэ Бугуй безвылазно сидел в Парящем дворце, покидая его пределы разве что в канун Нового года. А уж в этот тоскливый день он точно предпочёл бы уединение всеобщему шуму и веселью.

Однако сегодня Бессмертный удивил своего верного слугу.

Потянув затёкшие плечи, Хэ Бугуй небрежно бросил:

— Ступай в тайник. Возьми те два новых артефакта, что я закончил на днях, и прихвати защитных марионеток для четырёх академий. Мы берём их с собой.

— Хозяин... вы решили выйти в свет? — растерялся Кунчжи.

Хэ Бугуй направился вглубь опочивальни. Выбрав из гардероба парадное одеяние, расшитое золотыми журавлями, он небрежно обронил:

— Спущусь к подножию. Небось старшие брат и сестра соскучились по моей компании за праздничным столом.

Гора Тайцан

В гостевых покоях Дворца Небесного Предела вельможный господин в богатом праздничном наряде завершал последние приготовления перед выходом. До начала пира оставалось совсем немного, однако он, верный своему обычаю, заглянул в покои Божественной девы, чтобы

присоединиться к её молитве.

— О Божественная дева, ваши священные песнопения звучат уже долго. Услышал ли он ваш зов?

— Он покоился во тьме целых шесть сотен лет, — тихо ответила дева. — Для его пробуждения требуются не только усилия, но и время, и благоволение судьбы. Или ты сомневаешься во мне, глава секты?

Божественная дева слегка приподняла подбородок. Она смотрела на гостя с кротостью и состраданием. Простой вопрос в её устах прозвучал как тихая, смиренная мольба.

— Простите мне мою дерзость, госпожа, я проявил неуважение, — мужчина поспешно склонился в глубоком поклоне. — Раз уж мы заключили союз и делим общие тайны, моё доверие безгранично. Но родительское сердце не знает покоя. Священная вода сможет поддерживать жизнь в теле моей дочери от силы три месяца, и я...

Божественная дева сошла с ложа. Странно, плавно покачиваясь всем телом, она скользнула к собеседнику и мягко сжала его ладони:

— Не тревожься. Он непременно пробудится, и первые вести придут уже этой ночью. Ступай на пир со спокойной душой, глава секты. Обо всём остальном я позабочусь сама.

Издали донеслись первые торжественные звуки праздничной музыки. Она скользнула взглядом мимо резных колонн великолепного дворца, устремив его к зеркальной глади озера.

Там, в глубине ущелий, скрытых туманом, под толщем тёмной озёрной воды на тысячи чжанов вокруг расстилалась невидимая сеть древней, безмолвной мелодии.

Дева едва заметно усмехнулась, мысленно процедив сквозь зубы:

«Жалкие смертные черви».

Дворец Духовной Оси

Над вершинами гор взошла полная осенняя луна. В распахнутые окна банкетного зала вползал прохладный воздух, увлекая за собой сонные рои светлячков.

Праздничное пиршество устроили в главном зале Дворца Духовной Оси. Здесь собрались

представители всех именитых орденов и кланов. Загремели весёлые тосты, полилось вино, зазвенели струны лютней и флейт. Глава Дворца Небесного Предела Бай Инчи, восседавший на почетном месте во главе стола, поднял кубок, приветствуя дорогих гостей, и объявил пир открытым.

Сегодня Бай Инчи сиял от счастья. И причиной тому была вовсе не праздничная суета: место по левую руку от него, пустовавшее из года в год, наконец-то было занято.

Хэ Бугуй не просто соизволил явиться на торжество, но и принёс с собой дары. Старшему брату он поднёс изящную нефритовую флейту, умиротворяющую разум. Сестра Бай Шуцзин была равнодушна к изящной словесности и живописи, поэтому Хэ Бугуй изготовил для неё великолепные ножны, идеально подходившие к её знаменитому мечу Лунъюань. Оба подношения были ценнейшими артефактами, в создание которых Бессмертный вложил немало духовных сил. Подобная щедрость и внимание со стороны младшего брата растрогали старших так сильно, что этого заряда радости им хватило бы до следующей осени.

Но на этом чудеса не закончились. Четыре великие академии Дворца Небесного Предела также удостоились высочайшей милости. Хэ Бугуй сотворил четырёх священных стражей в образах великих зверей-хранителей: Академии меча досталась марионетка Лазурного Дракона, Академии целительства — Алая Птица, Академии техник — Белый Тигр, а Академии артефактов преподнесли Чёрную Черепаху, наделённую непробиваемым защитным барьером.

Когда все четыре марионетки выстроились в ряд, их мощь и величие показались гостям столь грозными, словно перед ними предстали сами мифические звери. Присутствующие старейшины и главы кланов не могли сдержать изумления. Они наперебой восхваляли непревзойдённое мастерство Бессмертного Тайвэя, попутно удивляясь колоссальной мощи Дворца Небесного Предела.

Многие пожелали снискать расположение грозного мастера. Держа в руках наполненные кубки, они потянулись к столу Хэ Бугуя, однако их путь бесцеремонно преградила стража-марионетка.

— Хозяин, — негромко шепнул подошедший Кунчжи. — Настоятель Обители Высшей Чистоты, почтенный даос Линъюй, желает выразить вам своё почтение. Его авторитет слишком велик, я не посмел отказать ему сразу.

На подобные просьбы от любых «великих» и «уважаемых» гостей, невзирая на их пол и заслуги, Хэ Бугуй неизменно цедил сухое: «Не приму». В конце концов он и вовсе велел наглухо задёрнуть бамбуковую ширму перед своим столом, наглядно демонстрируя всем присутствующим, что желает лишь одного — чтобы его оставили в покое за ужином.

За весь вечер лишь Сюэ И удостоился чести перекинуться с ним парой слов.

Старый мастер безумно переживал из-за того, что его любимого ученика бесцеремонно забрали в чужие покои. Даже роскошный подарок в виде Чёрной Черепахи не смог разогнать

тучи на его лице. Соблюдая правила приличия, он подошёл к столу Хэ Бугуя с кубком вина, чтобы высказать скупую благодарность, но уже через минуту разговор предсказуемо перетёк на Юй Уцюэ.

— Сегодня мне довелось мельком повидать Уцюэ, — проворчал Сюэ И, присаживаясь рядом. — Прошёл уже почти месяц. Я-то полагал, у вас припасён какой-то особый метод наставления для этого несносного паршивца, надеялся перенять крупицу мудрости... Но заставлять его выполнять грязную работу слуги? Это же просто бессмысленная трата его таланта и времени!

С тех пор как Хэ Бугуй прилюдно увел юношу, Сюэ И затаил обиду и теперь едва сдерживал раздражение. От его едкого, язвительного тона Кунчжи недовольно нахмурился, но сам Бессмертный остался совершенно спокоен.

— Истинный человек Чансы слишком мягок со своим учеником, — ровным голосом отозвался Хэ Бугуй. — Вся его дерзость и строптивость происходят от избытка сил, которые ему попросту некуда девать. Слыхали ли вы когда-нибудь о ледяных гончих под названием юйму ляньюань?

Сюэ И стиснул зубы. На его лице отразилась сложная гамма чувств: он изо всех сил старался показать, что глупые басни его не интересуют, но природное любопытство взяло верх.

— Не припоминаю такого зверя. Просветите меня, Бессмертный.

— Ледяная гончая — это древний зверь-оборотень, обитающий в ледяных пустынях крайнего севера, — неторопливо начал Хэ Бугуй. — Их прозвали так за глаза, подобные чистейшей лазурной яшме, и пушистый хвост, изогнутый наподобие острого серпа. Сии твари отличаются невероятной свирепостью и неумоимостью. Чем больше они носятся на воле, тем яростнее становится их нрав. Рассказывают, один такой пёс умудрился в одиночку сравнять с землёй несколько северных деревень, пока его не усмирил странствующий совершенствующийся.

Метод усмирения оказался на удивление прост. Раз уж зверь обожал бегать и прыгать без усталости, даос запер его в священном сосуде, сотворив внутри иллюзорный мир, неотличимый от настоящего. Безумный пёс носился там до тех пор, пока силы окончательно не покинули его. Когда же его выпустили наружу, он сделался кроток как ягнёнок — беспрекословно выполнял любую команду и даже не смел подобрать кусок мяса с земли без позволения хозяина.

Рассказывая эту притчу с самым бесстрастным и высокомерным видом, Хэ Бугуй недвусмысленно намекал, что неумный Юй Уцюэ подобен той самой дикой гончей, а тяжёлая работа слуги — проверенное средство для его обуздания.

— Вы ведь сами виделись с ним сегодня, — с лёгкой издёвкой добавил Хэ Бугуй. — Разве вы не заметили, что он стал куда покладистее и послушнее, чем прежде?

Сравнение любимого ученика с бешеной собакой заставило кровь Сюэ И закипеть от возмущения.

— За один короткий месяц человеческую натуру не изменить! — воскликнул он, едва сдерживая голос. — До меня дошли слухи, что в вашем дворце он не просто убирает мусор, но и у плиты стоит! Сердце кровью обливается при мысли о том, что юноша с таким выдающимся талантом тратит свои лучшие годы на мытьё котлов!

Словно вознамерившись окончательно dokonать собеседника, Хэ Бугуй холодно парировал:

— Тот, кто не способен справиться с простейшим делом, никогда не станет достойным мастером марионеток. Если вам так угодно, я могу вернуть его к привычным занятиям. Но если сегодня он спалит мне сад, завтра устроит пожар в покоях, а послезавтра взлетит на воздух плавильная печь, кто возместит убытки? Готова ли ваша Академия артефактов взять на себя расходы по восстановлению Парящего дворца?

Кунчжи и незаметно прислушивавшийся к их беседе Бай Инчи одновременно повернули головы, уставившись на Бессмертного Тайвэя.

«Сколько же чаш праздничного вина нужно было осушить обычно молчаливому Хэ Бугую, чтобы он пустился в такие пространные препирательства?»

Сюэ И задохнулся от ярости, не зная, что ответить на столь дерзкое заявление.

— Что ж, Бессмертный... — прошипел он сквозь зубы. — Осмелитесь ли вы заключить со мной пари?

— Каковы условия?

— Сроком на три месяца. Если этот мальчишка проведёт время в Парящем дворце смирно и не натворит никаких бед, я признаю вашу правоту и больше не заикнусь о его возвращении. Но если он выкинет хоть один фокус — вы немедленно вернёте его под моё крыло!

Через три месяца великое собрание орденов давно завершится, да и таинственные дела с душами наверняка прояснятся. К тому времени Хэ Бугуй и сам с радостью спровадил бы несносного юношу восвояси, даже если бы тот умолял оставить его во дворце.

Поэтому он без малейших колебаний ответил:

— Договорились. Пусть будет по-твоему.

— Надеюсь на вашу честность, Бессмертный. Прощайте!

Сюэ И круто развернулся и поспешно удалился, тяжело дыша от гнева. Едва его фигура скрылась из виду, Хэ Бугуй укрылся за бамбуковой ширмой и тихонько рассмеялся. Поднятый

нефритовый кубок скрыл редкую, мимолётную улыбку на лице Бессмертного Тайвэя. Что ж, за то, что юноше пришлось послужить предлогом для этой маленькой словесной дуэли, можно простить ему часть непомерного долга перед Парящим дворцом.

Разумеется, у Хэ Бугуя не было ни малейшего желания воспитывать чужих учеников или соперничать с кем-то за право наставничества. Он умышленно раззадорил Сюэ И лишь потому, что сегодняшний праздник давал отличную возможность разыграть спектакль перед досужей публикой.

Среди всех этих именитых мастеров и старейшин, шумно пирующих внизу, не было ни одного человека, которому он мог бы безоглядно доверять. Просто потому, что все они были ему чужими.

Пока истинный виновник запретного ритуала душ оставался в тени, Юй Уцюэ должен был находиться под его пристальным присмотром. Однако Парящий дворец испокон веков славился своим безлюдием, и столь долгое пребывание там простого ученика неизбежно породило массу слухов. Кое-кто уже шептался, будто юноша обладает скрытым гением, раз уж сам угрюмый Бессмертный приблизил его к себе.

В эти беспокойные времена лишнее внимание могло погубить парня. Пусть уж лучше все думают, что Бессмертный Тайвэй просто из вредности изводит нерадивого ученика непосильной работой.

Кунчжи с улыбкой наполнил кубок господина до краёв:

— Истинный человек Чансы изнывает от скорби, но спроси он самого молодого господина Юй, тот наверняка первым откажется уходить из Парящего дворца.

«Пусть думает что хочет. По крайней мере, голодом я его не морил».

Хэ Бугуй сделал глоток и спокойно произнёс:

— Сюэ И проиграет этот спор.

— Ваша правда, хозяин. Молодой господин Юй в последнее время на удивление послушен и строго соблюдает все правила. Старине Сюэ ни за что не выиграть.

Когда пиршество близилось к завершению, слуги Дворца Небесного Предела разнесли гостям бумажные небесные фонарики для праздничных пожеланий. Бай Инчи заглянул за соседнюю ширму и застал Хэ Бугуя в глубокой задумчивости с кистью в руках.

— Младший брат, какое желание ты решил загадать? Ну-ка, дай взглянуть.

Бумага на фонарике оставалась девственно чистой. Хэ Бугуй подпёр щеку ладонью и задумчиво покусывал кончик кисти.

Те желания, что действительно теплились в его душе, были несбыточны.

А писать привычные благоглупости вроде «Мира во всём мире и процветания Поднебесной», какими из года в год исписывал свои фонари Бай Инчи, казалось ему пустой тратой чернил. Нечисть не стинет от красивых слов на бумаге, а защита смертных и без того была их прямым долгом как заклинателей.

— Мне нечего просить у неба, — тихо отозвался он.

— Тогда посмотри, что написал я! — Бай Инчи с гордостью продемонстрировал свой фонарик.

На тонкой бумаге красовались ровные строчки:

«Молю лишь об одном: пусть Хэ Си обретёт крепкое здоровье, покой и радость в жизни».

Хэ Бугуй на мгновение замер, глядя на своё старое имя, которое не слышал уже долгие годы. Сердце его дрогнуло. Вспомнив о недавнем споре с Сюэ И, он внезапно понял, какое именно желание хочет запечатлеть.

— Раз уж мы заключили пари со стариной Сюэ, загадаю-ка я собственную победу.

Склонившись над столом, он уверенными движениями вывел на бумаге:

«Желаю, чтобы Юй Уцюэ был послушным и прилежным».

Бай Инчи удивлённо моргнул:

— И это всё? Что за ребячество?

— Самое настоящее желание, — невозмутимо ответил Хэ Бугуй.

Однако Бессмертный не успел даже зажечь фитиль, чтобы отпустить свой скромный фонарик в ночное небо — его чаяния разлетелись в прах в ту же секунду.

В зал, тяжело дыша, вбежал взволнованный слуга:

— Беда, глава Дворца! Один из учеников учинил бесчинство у горячих источников! Его

уличили в гнусных намерениях и уже ведут сюда!

Следом за ним в залу шумно ввалилась целая толпа разгневанных дев — учениц из других дружественных кланов. Сгорая от ярости и стыда, они заполнили центр зала, требуя немедленной расправы над негодяем.

Бай Инчи примиряюще поднял руку, призывая собравшихся к спокойствию:

— Прошу вас, не шумите. Объясните толком, что произошло?

— Почтенный глава, — запинаясь, заговорил слуга. — Некоторое время назад у купален раздался странный шум. Затем этот безумец проломил разделительную перегородку и ворвался на женскую половину, где в тот момент совершали омовение молодые госпожи!

Пострадавшие девушки тут же поспешили подтвердить его слова:

— Он не просто подглядывал! Он нагло ворвался внутрь, наплевав на все приличия! Какой неслыханный позор!

— Этот подлец лишил нас покоя! Девичья честь превыше всего, а ученик столь почтенного Дворца Небесного Предела ведёт себя как грязный разбойник! Просим главу школы восстановить справедливость!

— Накажите мерзавца по всей строгости закона, верните нам доброе имя!

Несколько юных учениц, не на шутку перепуганных случившимся, тихонько всхлипывали, не в силах вымолвить ни слова. Подобное происшествие ставило под удар репутацию благородных дев, и шутить с этим никто бы не решился. Сидевшие за праздничными столами старейшины и главы кланов переглядывались с мрачным негодованием, но, помня о могуществе Дворца Небесного Предела, сдерживали свой гнев.

— Успокойтесь, — помрачнел Бай Инчи, и в его голосе зазвучала сталь. — Наш Дворец никогда не станет покрывать преступников и нечестивцев. Мы во всём разберёмся и накажем виновного. — Он грозно зыркнул на слугу: — Назови его имя!

Слуга испуганно покосился на главу школы, затем перевёл дрожащий взгляд на Сюэ И, и наконец, совсем потеряв самообладание, уставился на зашторенную ширму Хэ Бугуя.

— Это... это Юй Уцюзэ, — едва слышно пролепетал он.